

© 2024 г.

М.В. ЛОМОНОСОВА, М.Б. БУЛАНОВА

В.М. БЕХТЕРЕВ И П.А. СОРОКИН: НАУЧНЫЙ СОЮЗ ВО ИМЯ СОЦИОЛОГИИ

ЛОМОНОСОВА Марина Васильевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия (lomonosovamv@mail.ru); БУЛАНОВА Марина Борисовна – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия (marina_bulanova@inbox.ru).

Аннотация. В статье представлена история сотрудничества В.М. Бехтерева и П.А. Сорокина. Обсуждение вклада П.А. Сорокина в становление социологии как науки в России – тема множества отечественных и зарубежных публикаций, тогда как реальное участие В.М. Бехтерева в этом процессе и его социологические воззрения до сих пор не рассматривались. Большинству отечественных социологов известно только, что В.М. Бехтереву удалось открыть первую в России кафедру социологии в составе Психоневрологического института, где молодой П.А. Сорокин совершал первые шаги в науку, которая в дальнейшем оказалась неразрывно связанной с его именем и его научными трудами. Многие актуальные и острые проблемы и явления, такие как голод, война, эпидемии, преступность, которые В.М. Бехтерев разрабатывал как психиатр и физиолог, П.А. Сорокин подверг комплексному социологическому анализу.

Ключевые слова: Владимир Бехтерев • Питирим Сорокин • российская социология • история социологии • бихевиоризм • коллективная рефлексология • Психоневрологический институт • голод • политика памяти

DOI: 10.31857/S0132162524030103

Введение. Питирим Александрович Сорокин, как и его учитель Максим Максимович Ковалевский, обладали способностью собирать вокруг себя соратников в деле развития в России новой науки – социологии. Одним из тех, с кем П.А. Сорокина свела судьба в молодые годы и с кем он сотрудничал вплоть до высылки из России, был Владимир Михайлович Бехтерев.

Вклад В.М. Бехтерева в отношении социологии не столь очевиден для исследователей, несмотря на то, что социология как научная дисциплина пересекалась с областью его профессиональных занятий, что видно по содержанию его фундаментального труда «Коллективная рефлексология» (1921), в котором он обращается к социологической проблематике и ссылается на работы социологов¹, а также по его публицистическим статьям,

Статья подготовлена при поддержке РНФ, проект № 22-28-01076.

¹ В именном указателе «Коллективной рефлексологии» Э. Дюркгейм упоминается девять раз, Н.И. Кареев – четыре раза, М.М. Ковалевский – три раза, О. Конт – пять раз, Г. Лебон – 34 раза, Е.В. Де Роберти – семь раз, П.А. Сорокин – 25 раз, Г. Спенсер – 12 раз, Г. Тард – 40 раз.

посвященным актуальным проблемам российского общества. Заметное влияние идей Бехтерева на творчество Сорокина проявилось в теоретической позиции умеренного бихевиоризма последнего и в его неизменном интересе к достижениям физиологов школы И.П. Павлова, к теории условных рефлексов, к экспериментальной психофизиологии, психоневрологии и психиатрии.

Полагая, что коллективная рефлексология и социология связаны воедино общей задачей – изучением взаимодействия личности и общества, Бехтерев, так же, как и многие социологи того времени, опирался на парадигму социального согласия. В своей наиболее значимой с социологической точки зрения работе «Коллективная рефлексология» он отмечал, что в любой социальной группе всегда есть место согласию и сотрудничеству, разногласиям и конфликтам. Согласие и сотрудничество «являются условиями, поддерживающими и оживляющими всякий общественный прогресс, вторые условия являются условиями, тормозящими общественный прогресс или его задерживающими» [Бехтерев, 1921: 254]. В ситуации острых социальных конфликтов в российском обществе первых двух десятилетий XX в. Бехтерев предпринял попытку формирования мировоззренческих основ социальной концепции, отрицающей традиционное противопоставление личности и общества. Бехтерев подчеркивал, что «в интересах общества не подавлять личность, а наоборот ее развивать, лишь бы это развитие шло не к ущербу общества. Таким образом, обществу надлежит содействовать всестороннему развитию личности, ограждая лишь себя от распада путем укрепления солидарности между его членами. В этом и только в этом должна быть задача организованного общества, именуемого государством» [Бехтерев, 1921: 71]. Его интерес к проблемам социального и государственного устройства, наряду с опорой на методологию социологии, прослеживался практически во всех его работах периода 1910–1920-х гг.

Вытеснение социологии из корпуса социогуманитарного знания в СССР сталинского периода привело к тому, что забвению были преданы не только российские социологи, но и работы многих выдающихся ученых из других областей научного знания, оказавших существенное влияние на ее развитие. Биографы и исследователи научного творчества Бехтерева в силу идеологических ограничений стремились не акцентировать внимание на его роли в становлении российской социологии.

По материалам многочисленных научных и словарных статей советского и постсоветского времени можно получить обобщенную справочную информацию о том, что Бехтерев Владимир Михайлович (1857–1927) – выдающийся русский психиатр, невропатолог, физиолог, социальный психолог, основоположник рефлексологии и патопсихологического направления в России, академик, заслуженный деятель науки РСФСР. О его роли в развитии отечественной социологии обычно даже не упоминается, поэтому стоит остановиться на его деятельности, непосредственно связанной с социологией, выделить наиболее значимые в этом отношении факты.

В первую очередь – это издание периодического журнала «Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма»², основанного в 1904 г. Бехтеревым совместно с В.С. Серебренниковым и ставшего впоследствии официальным печатным органом Психоневрологического института и академическим каналом трансляции социологических знаний. На страницах журнала, девизом которого стал призыв: «Познать человека», регулярно выходили статьи, рецензии и рефераты социологического содержания [Сидорчук, 2016b: 146]. Значимое место в журнале занимали материалы о деятельности Психоневрологического института. За несколько лет до его открытия стали обсуждаться основные

² Первый номер «Вестника психологии, криминальной антропологии и гипнотизма» вышел в 1904 г., когда В.М. Бехтерев и его коллеги получили официальное разрешение на его издание и нашли источники финансирования. Изначально журнал выходил при поддержке Военно-медицинской академии, а с 1907 г. он стал официальным печатным органом Психоневрологического института. С 1912 г. журнал выходил под названием «Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии».

цели его организации. Позже в качестве приложений стали публиковаться протоколы заседаний Совета, программы курсов С.К. Гогеля «Уголовная социология и уголовная политика» и Е.В. Де Роберти «Общая социология», отчеты о деятельности кафедр и лабораторий. Роль Бехтерева как основателя журнала состояла в том, что благодаря научной коммуникации на его страницах в России стало оформляться социологическое сообщество. Редакционная политика Бехтерева способствовала обсуждению социологической проблематики на страницах ряда других научных журналов, таких как «Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии», «Вопросы изучения и воспитания личности», «Вопросы изучения труда», «Вопросы психофизиологии и рефлексологии труда», «Педагогический вестник». Инициатива и усилия Бехтерева по созданию в Петербурге Психоневрологического института, представляющего собой высшее научное и учебное заведение, привели к тому, что на его основе возникли самостоятельные учреждения, продолжающие свою работу и в XXI веке³, и что именно здесь в 1908 г. была открыта первая кафедра социологии, которую возглавил М.М. Ковалевский.

Одним из необходимых для формирования новой отрасли знания в самостоятельную научную дисциплину условий является создание соответствующих профессиональных объединений. Поэтому появление Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского в 1916 г. было не только данью признания заслуг ученого после его смерти, но и закономерным следствием развития социологии в России. В создании Общества большую роль сыграли ученики и коллеги Ковалевского, связанные годами учебы и работы в Психоневрологическом институте, которых поддержали многие выдающиеся ученые и политические деятели: лауреат Нобелевской премии И.П. Павлов, В.М. Бехтерев, Л.И. Петражицкий, Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, М.И. Туган-Барановский и др. Таким образом, Бехтерев стоял у истоков преподавания социологии в российских университетах и принимал участие в формировании этого первого профессионального объединения социологов.

Основание Психоневрологического института как фактор институционализации социологии. В 1907 г. по инициативе Бехтерева и при поддержке Всероссийского съезда по педагогической психологии в Санкт-Петербурге открылся Психоневрологический институт – первый в мире научный центр по комплексному изучению человека, организованный как исследовательское и высшее учебное заведение. Изначально предполагалось, что Институт будет заниматься исключительно научной деятельностью по изучению человеческого мозга и его функций в здоровом и больном состоянии. Для выполнения научных задач при Институте планировалось чтение специальных курсов и лекций, а Устав определял его как «ученое и высшее учебное заведение, имеющее целью разработку и распространение знаний в области психологии и неврологии, а также сопредельных с ними наук. <...> В институте читаются по мере возможности курсы: исторический, философский, психологический, анатомический, биолого-физиологический, патологический, антропологический, гигиенический, педагогический, врачебно-педагогический, психопатологический (с психиатрической клиникой), невропатологический (с клиникой для нервных болезней), психотерапевтический, физико-терапевтический»⁴. Кроме того, Совету Института предоставлялось право по мере дальнейшего развития включать другие научные дисциплины, что и послужило основой для введения чтения социологии. Заведование курсами поручалось профессорам, избираемым Советом Психоневрологического института, что соответствовало практике организации кафедр в академических учреждениях начала XX в. Наряду с курсами разрешалось чтение публичных лекций по предметам, относящимся к деятельности Института.

³ Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В.М. Бехтерева, Северо-Западный государственный медицинский университет имени И.И. Мечникова, Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет, Санкт-Петербургская государственная академия ветеринарной медицины.

⁴ Об учреждении Психоневрологического института в Петербурге // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 3. Д. 801. Л. 29–34 об.

Первоначально обучение в Психоневрологическом институте было рассчитано на два года. Предметы, входящие в состав преподавания, разделялись на три секции: философско-педагогическую, криминальную, психиатро-неврологическую. В каждую секцию, помимо специальных научных дисциплин, должна была входить основная группа наук, общая для всех трех секций. Студенты выбирали одну из указанных секций. В основную секцию входил курс общей социологии, а в криминологическую – курс уголовной социологии [Акименко, Шершеневский, 1999: 30–31].

Однако вскоре структура Института была изменена. По воспоминаниям Н.И. Кареева, после закрытия в 1907 г. курсов Лесгафта⁵ М.М. Ковалевский обратился с просьбой к Бехтереву принять слушателей с этих курсов и помочь им закончить образование в максимальном приближении к университетской программе. В такой постановке дела Ковалевский видел возможность возобновления в рамках Психоневрологического института работы Русской высшей школы общественных наук в Париже [Кареев, 1990: 253]. Негосударственный характер финансирования, трехлетний цикл обучения, либеральные принципы приема придавали Институту черты и характер свободного учебного заведения, которым обладала Русская высшая школа общественных наук в Париже.

Психоневрологический институт в глазах широких кругов российского общества был призван продолжить дело Лесгафта, его «Вольную школу», а то, что отличало его от других учебных заведений (отказ от ранней специализации, возможность сознательного выбора факультета, новые методы преподавания и существенные отступления от консервативных академических традиций), обещало успех в будущей профессии. Сюда со всех концов России стали стекаться жаждавшие знаний молодые люди, оказавшиеся за бортом высшего образования: принимались не закончившие среднего образования юноши; евреи, не попавшие в трехпроцентную норму; женщины, не допускавшиеся царским правительством к высшему образованию. Популярность Института была огромной. Тем не менее, как отмечал в воспоминаниях Н.И. Кареев, «отрицательные стороны в этом учреждении тоже были, между прочим, в студенческой среде, где было немало проявлений невысокой культуры» [Кареев, 1990: 253].

На торжественном открытии Психоневрологического института 3 февраля 1908 г. профессор Бехтерев во вступительной речи отметил, что учебное заведение дает «своим слушателям такое образование, на котором сосредоточен в комплексе ряд биологических, неврологических, исторических и общественных наук» [Бехтерев, 1908: 4]. Среди общественных наук студентам будет преподаваться социология, что определяется научными и общественными задачами. Бехтерев подчеркивал, что высшая школа, готовя самых разных специалистов «как-то упускает из виду, что впереди всего должен быть сам человек и что для государства и общества, кроме профессиональных деятелей, нужны еще лица, которые понимают, что есть человек <...> какое значение в его жизни должны иметь идеалы в обществе, влияющие и формирующие массовое сознание» [Бехтерев, 1908: 14]. Вслед за Бехтеревым, выступили с докладами социологи Ковалевский и Де Роберти. Тема выступления последнего была обозначена как «Задачи социологии», что было очень значимо с точки зрения дальнейшего развития социологического образования. Де Роберти поддержал заявление Бехтерева, отметив, что современная психология не может в своих исследованиях обойтись без правильной помощи, без постоянного содействия социологии. «Психология должна опереться на социологию как на прочное, незыблемое основание, должна исходить в своих выводах и заключениях из данных, предварительно добытых социологическими наблюдениями и исследованиями» [Де Роберти, 1908: 923].

⁵ В 1905 г. П.Ф. Лесгафт добился разрешения организовать Высшие курсы по наукам биологическим, педагогическим и общественным, которые он называл Вольной высшей школой (Высшие курсы П.Ф. Лесгафта). Сейчас – Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта.

Столь явный акцент на новой науке во вступительных речах на открытии Института, а также два часа занятий, выделенных на курс социологии в учебном плане, вести который собирались Ковалевский и Де Роберти, в недавнем прошлом политические эмигранты, было очень смелым решением Бехтерева. Однако включение социологии в учебный план вызвало недоумение в Министерстве народного просвещения, так как ее преподавание в государственных университетах официально было запрещено [Глотов, 2014: 19]. От Бехтерева потребовали разъяснений, которые были им даны со ссылкой Устав Института, где было зафиксировано, что чтение курса социологии «соответствует общей схеме наук, допущенных к преподаванию»⁶. Это разъяснение на время устроило министерство, возглавляемое П.М. Кауфманом.

1 января 1908 г. министром народного просвещения был назначен А.Н. Шварц, который стал проводником жесткой политики ограничений университетской автономии и деполитизации высшей школы. Его предшественник на этом посту П.М. Кауфман считал, что развитие страны напрямую зависит от локомотивов науки – университетов. Поэтому, несмотря на консервативную имперскую политику государства, он способствовал расширению академических свобод. С приходом А.Н. Шварца на должность министра народного просвещения отношения власти и Психоневрологического института обострились. В воспоминаниях Бехтерев приводит сведения о том, как шел процесс отстаивания учебных курсов, ранее допущенных к преподаванию. Описывая свои визиты в министерство, он отмечал: «Когда при одном случае в кабинете Шварца случайно зашел вопрос о читаемом у нас курсе социологии, министр не выдержал и с раздражением произнес: «Какая может быть там социология? Нет такой науки, а если что и есть, то одна болтовня!» [Бехтерев, 1928: 33]. В некотором смысле в таком отношении власти к науке были виноваты и сами социологи, которые в то время не могли достаточно четко определиться с предметом и методологией новой науки. Тем не менее курс социологии был заявлен в учебном плане Психоневрологического института с момента его основания и имел статус общей дисциплины для всех студентов, независимо от их профессиональной подготовки. Введение курса социологии в учебный план – безусловная заслуга В.М. Бехтерева.

Кафедра социологии в Психоневрологическом институте и генерирование первых научных школ в отечественной социологии. Комплектование кафедр в Психоневрологическом институте происходило силами известных профессоров, которых привлекало в свои стены демократическое учебное заведение, относительно независимое от Министерства просвещения. На заседании Совета Института от 1 октября 1907 г. профессором по кафедре социологии был избран М.М. Ковалевский, а профессором по кафедре уголовной социологии – С.К. Гогель. В первом варианте учебного плана среди предметов основной группы наук, которые читались всем трем секциям, был заявлен курс общей социологии. Дополнительно в криминальной секции был заявлен курс по уголовной социологии. В пояснительной записке указывалось, что в первую очередь читается основная группа наук, и она является обязательной для всех поступающих в институт⁷.

При последующей корректировке учебного плана в связи с переходом на трехлетний учебный цикл в группе общих наук (читаемых всем секциям на первом году обучения) остался только курс общей социологии, а его чтение было поручено Ковалевскому. Вот как он писал об этом в предисловии к «Социологии»: «Из всех свободных высших школ, возникших за последнее время в Петербурге, один Психоневрологический институт озабочился включением в свой устав статьи, делающей возможным преподавание в нем социологии. Ввиду этого я поспешил принять с благодарностью предложение президента этого института и совета профессоров вступить в их среду» [Ковалевский, 1997: 30].

⁶ Об учреждении в СПб Психоневрологического института // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 145. Д. 97. Л. 165, 165 об.

⁷ Об учреждении Психоневрологического института в Петербурге // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 3. Д. 801. Л. 29–34 об.

На заседании Совета от 2 февраля 1908 г. Де Роберти был избран профессором кафедры социологии. Таким образом, вплоть до 1910 г. на кафедре социологии работали два профессора – Ковалевский и Де Роберти. Согласно расписанию занятий на первом курсе, в 1908 г. Де Роберти читал дисциплину «Социология» (1 час), а Ковалевский – курс «Общая социология» (1 час) [Акименко, Шершеневский, 1999: 50–51]. Кроме преподавания и работы на кафедре социологии, оба ученых активно включились в проект по организации чтения публичных лекций, выдвинутый в 1908 г. Бехтеревым.

В 1909 г. в составе Института было два факультета: педагогический с двумя отделениями (естественно-историческим и словесно-историческим) и юридический. С 1910 г. начался пересмотр учебных планов в сторону соответствия частного учебного заведения стандартам государственных университетов. В 1910 г. был открыт основной факультет, в 1911 г. – медицинский. В 1910 г. деканом словесно-исторического отделения был избран профессор всеобщей истории Н.И. Кареев.

Когда в 1910 г. Ковалевский стал деканом вновь созданного юридического факультета, кафедру социологии возглавил Де Роберти. Об этом назначении Ковалевский написал следующее: «За последние два года Е.В. Де Роберти принял участие в преподавании социологии в Психоневрологическом институте. С нынешнего года оно всецело переходит в его руки; можно надеяться, что ему удастся своими лекциями содействовать образованию недостающей еще школы русских социологов» [Ковалевский, 1997: 31]. В дальнейшем к недельному часу лекций прибавился еще час проведения семинарских занятий [Гервер, 1913: 33].

Заслуживает внимания тот факт, что изначально во главе двух факультетов Психоневрологического института стояли социологи – М.М. Ковалевский и Н.И. Кареев, причем именно на кафедре социологии стала оформляться первая научная школа в отечественной социологии, не только в качестве развития и продолжения некоей теоретико-методологической установки, но и как порождение творческой диады «Учитель и Ученик».

От ученичества к сотрудничеству: В.М. Бехтерев и П.А. Сорокин. Формальное начало взаимодействия двух замечательных людей относится к 1909 г., когда после учебы на Черняевских подготовительных курсах и успешной сдачи экстерном экзамена за гимназический курс, Сорокин подал прошение на имя Бехтерева о приеме в число студентов Психоневрологического института, и оно было удовлетворено. Этому способствовал тот факт, что, еще обучаясь на курсах, юный Питирим Сорокин познакомился с преподавателями Психоневрологического института и их научными изысканиями. Институт на Черняевских курсах представлял К.Ф. Жаков, известный в научных кругах как этнограф, лингвист, математик, писатель, самобытный философ, создавший собственное философское учение – лимитизм. «Простой и обходительный, державшийся по-товарищески с учениками <...> он пытался помочь им занять свое место в жизни» [Гайда, Ломоносова, 2017: 122]. Не обошел он стороной и своего земляка – Питирима Сорокина, познакомив его с выдающимися учеными и выступив для него проводником в мир науки. Среди педагогов Черняевских курсов значился и сам Бехтерев, чьи лекции мог посещать и Питирим Сорокин. Справедливости ради стоит отметить, что в эти годы многие известные ученые вели активную просветительскую работу среди той части молодежи, которая получала образование не благодаря государственной политике, а вопреки ей. Лишенные возможности получить гимназическое образование, открывавшее двери в университеты, многие молодые люди занимались самообразованием, работали, учились на подготовительных частных курсах, расцвет которых пришелся на 1910-е гг.

Всего один год Питирим Сорокин провел в стенах «Бехтеревки» как студент, но события и люди, окружавшие его, оказали влияние на всю его дальнейшую научную жизнь. Впоследствии в автобиографии «Долгий путь» Сорокин напишет: «В тот первый год учебы я установил очень хорошие отношения с основателем Института, всемирно известным психологом и психиатром В.М. Бехтеревым и с признанными лидерами мировой науки М.М. Ковалевским и Е.В. Де Роберти, специалистами в области социологии,

антропологии, философии и экономической истории. Эти дружеские отношения окрепли в последующие годы и привели к тесному научному сотрудничеству между нами – сотрудничеству, длившемуся до самой смерти этих выдающихся ученых» [Сорокин, 1991: 57–58].

Возможность проявить себя как молодому ученому, выступив в качестве автора научных статей на страницах авторитетного журнала «Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма» была предоставлена Сорокину благодаря политике главного редактора Бехтерева, направленной в том числе и на вовлечение в науку студенческой молодежи. В 1910/11 уч. году Сорокин прочитал на социологическом семинаре профессора Де Роберти доклад «К вопросу об эволюции и прогрессе», который был сразу напечатан в журнале.

Через год после начала обучения в Психоневрологическом институте Сорокин по ходатайству Ковалевского поступил на юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета, но его сотрудничество со своими учителями из Психоневрологического института не прекратилось. Позднее он стал личным секретарем М.М. Ковалевского и рецензентом социологической литературы в «Вестнике психологии, криминальной антропологии и гипнотизма». За годы сотрудничества с этим журналом Сорокин написал не один десяток рецензий. Реферируя книги и статьи русских и зарубежных ученых, он отстаивал право социологии как науки на самостоятельное существование.

Можно заметить некоторую тенденцию в отборе книг и статей для реферирования, заключающуюся в том, что вопросы, которые волновали Бехтерева, в том числе вопросы о соотношении социологии и психологии, занимали также и Сорокина. Например, в 1913 г. он разместил реферат на книгу М.Н. Гернета «Смертная казнь» [Сорокин, 1913b], интерес к которой был связан с подготовкой первой научной монографии «Преступление и кара, подвиг и награда» (1914), а также с тем, что он поддерживал мнение М.Н. Гернета о необходимости отмены этой высшей меры наказания. Инициативу об отмене смертной казни, выдвинутую академиком Бехтеревым еще в 1906 г., он последовательно транслировал на страницах журнала. Интересуясь новыми подходами и методологией социологии, Сорокин откликнулся рефератом на сборник докладов, прозвучавших в 1912 г. в Риме на VIII конгрессе Международного института социологии и вышедший на родине социологии – во Франции [Сорокин, 1913a].

Во время учебы в Санкт-Петербургском университете Сорокин параллельно посещал занятия и в Психоневрологическом институте и принимал активное участие в работе семинара Де Роберти, который пользовался успехом у студентов. После выхода книги Сорокина «Преступление и кара, подвиг и награда» тот поручил своему ученику самостоятельно вести семинарий по социологии со студентами младших курсов.

В 1916 г. в результате тщательной инспекции Министерства народного просвещения на основе существовавших в Психоневрологическом институте курсов был утвержден Частный Петроградский Университет⁸ с правами высших правительственных учебных заведений. Президентом университета был избран академик В.М. Бехтерев. Эта реорганизация сохранила на первых порах прежний учебный план, состав преподавателей, в неприкосновенности остались и формы учебной работы: лекции, семинарии, лаборатории, научные студенческие кружки. К 1916/17 уч. году в списке преподавателей Частного Петроградского Университета появилось имя П.А. Сорокина – выпускника Императорского Петроградского университета, оставленного на кафедре уголовного права и выдержавшего магистерский экзамен. Очевидно, что после смерти Ковалевского в 1916 г. Бехтерев обратился именно к Сорокину, пригласив его читать курс «Социология», который вел его учитель. Постановлением Совета Сорокин временно, на один год, был допущен к чтению

⁸ 27 мая 1918 г. Частный Петроградский Университет был переименован во II Государственный Петроградский Университет.

социологии⁹. Это решение знаменовало собой завершение процесса институционального оформления первой отечественной научной школы в социологии, включавшей в себя, помимо определенной научной традиции в изучении общества, также кафедру и периодические издания, учебные курсы и научные монографии, учителей и учеников.

Революция и голод как фактор научных исследований на изломе эпох. Размеренная университетская и академическая жизнь, обещавшая новые открытия и свершения в 1916/17 уч. году, через несколько месяцев закончилась. Неумолимо надвигалась Русская революция 1917 года и последующее десятилетие, омраченное Гражданской войной и голодом. Это не могло не отразиться на российской социологии. Если экономическая жизнь, испытывая на себе топливной, сырьевой и кадровый дефицит, замерла, то научная жизнь не остановилась. Сорокин, характеризую этот период, писал: «Тяжелые условия России не прервали целиком работы русской науки. Не прекратилась она и в области социологии. Напротив, жизнь, ставившая ежечасно «прикладные вопросы» социально-го бытия, усиленно стимулировала работу социологической мысли» [Сорокин, 2000: 23].

Несколько иначе оценивал это время Бехтерев в своих воспоминаниях, что было обусловлено его профессиональным статусом руководителя целого комплекса академических и медицинских учреждений: «В первые годы Октябрьской революции научная деятельность в означенных учреждениях, и в том числе лично моя деятельность, затруднялись в невероятной степени по причине тяжелых материальных условий, особенно в период голода и военного коммунизма <...> Многие ученые, как известно, бежали за границу. И мне, конечно, представлялись разные возможности переезда за границу; но я ничуть не завидовал тем, которые предпочли за границу своему дому, хотя должен сказать, что мне вместе с семьей приходилось в голодные годы питаться нередко лишь овсом и ржавой селедкой или воблой. Однако, другим приходилось в это время еще хуже, ибо, как известно, вымирали от голода даже целые больницы и гибло от голода неисчислимое количество рабочих и крестьян. Нам же помогал Дом ученых, организованный по инициативе В.И. Ленина и М. Горького» [Бехтерев, 1928: 43].

Спустя более чем столетие память о трагизме бытия жителей бывшей столицы Российской империи находится в забвении, так как центральной темой политики памяти на протяжении последних 20 лет в современной России выступает Великая Отечественная война (1941–1945), а Ленинград, выживший в блокаду, стал символом человеческих страданий и величайшего мужества, поэтому о послереволюционном голоде и о том, что к лету 1918 г. Петроград находился на грани голодной катастрофы, сегодня практически не вспоминают. Однако данные статистики убедительно свидетельствуют о том, что численность населения Петрограда к началу 1917 г. составляла около 2,5 млн чел., а к концу 1921 г. в городе осталось всего 700–900 тыс. человек. Многие жители были вынуждены покинуть город, кого-то арестовали, а кто-то умер от холода, голода и болезней. «Жизнь в царстве смерти: 1919–1922» – так назвал П.А. Сорокин одну из глав своего автобиографического романа «Долгий путь», описав в ней жизнь в Петрограде. От голода в расцвете творческих сил умерли академики Российской академии наук – М.А. Дьяконов, Б.А. Тураев, А.А. Шахматов. Тем не менее Сорокин отмечал эффективные меры власти по снабжению питанием отдельных групп населения, в том числе интеллигенции. Он описывал, как в университетской столовой были организованы обеды, как люди стояли в очередях, чтобы получить хлеб по карточкам. «Эти проклятые хлебные очереди отнимали два или три часа нашего времени ежедневно, но практически ничего не давали. Постепенно все худели и становились более и более истощенными, у многих начинались провалы в памяти, развивались голодный психоз и бред, затем наступала смерть» [Сорокин, 1991: 143]. Свои наблюдения ужасающих картин голода в Петрограде П.А. Сорокин смог опубликовать еще при жизни в США, в то время как воспоминания Бехтерева были опубликованы

⁹ С перепиской о Психоневрологическом институте // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 156. Д. 681. Л. 80–84 об.

в СССР в 1928 г. спустя несколько месяцев после его скоропостижной смерти в конце 1927 г. Воспоминания двух ученых, вовлеченных в водоворот трагических событий, наряду с научными работами этого периода времени представляют особую ценность для социологов и требуют глубокого вдумчивого анализа и осмысления.

Особое внимание Бехтерев в тот период уделял изменениям, произошедшим в области поведения среди его учеников, коллег и сотрудников, которые он наблюдал не только как человек, испытывающий на себе все тяготы тяжелого времени, но прежде всего как ученый, имеющий возможность фиксировать все значимые трансформации социального бытия людей. Его важный вывод, связанный с влиянием голода на поведение человека, заключается в том, что в периоды бедствий вопросы морали выходят на первое место. «И не одна только помощь «ближним», как основа гуманности, должна быть лозунгом социально-трудового воспитания, но, главным образом, помощь социальному целому, причем общечеловеческие идеалы должны быть признаваемы высшим достижением морали» [Бехтерев, 1928: 48]. Вопросы влияния голода на мораль и нравственность, влияния нравственности на поведение человека во время голода раскрыл и Сорокин в своей фундаментальной научной работе «Голод как фактор», которая была написана в самый разгар гуманитарного бедствия, была подготовлена к печати в 1922 г., но увидела свет уже в РФ спустя восемьдесят лет. Осуществив историко-социологический анализ, Сорокин убедительно доказал, что последствия голода у всех народов во все исторические периоды одинаковы: одних людей голод приводит к полной деградации – физической и нравственной, а других – к великим подвигам альтруизма и гуманизма.

1918 г. стал переломным в истории Петрограда, утратившего статус столицы и испытывавшего на себе все тяготы блокады и голода, и как следствие – в судьбе Психоневрологического института. В процессе реорганизации на его базе был открыт Институт по изучению мозга и психической деятельности, в котором сотрудничество Бехтерева и Сорокина продолжилось вплоть до 1922 г. Это были очень тяжелые, но насыщенные эмпирическими наблюдениями и исследованиями годы. За несколько лет было сделано очень много. Ученые фокусировали внимание на изучении актуальных проблем, с которыми столкнулось российское общество: голод, война, эпидемии, алкоголизм, преступность. Находки «рефлексологического позитивизма» Бехтерева были использованы Сорокиным при работе над книгами «Система социологии», «Социология революции», «Голод как фактор». В свою очередь, Бехтерев в книге «Коллективная рефлексология», которая была издана в 1921 г. в издательстве «Колос», активно дискутирует с Сорокиным, а сопоставлению предмета и задач социологии, коллективной (социальной) психологии и психологии личности посвящена значительная часть содержания вводного раздела этого труда. Так, например, В.М. Бехтерев отмечает: «Возникновение общественных рефлексов и поводы к ним, равно как их направление и проявление – это бесспорный предмет общественной или коллективной рефлексологии, тогда как результаты этой борьбы, как они проявляются в жизни общества, являются предметом ведения социологии. Равным образом и социально-экономические условия страны, приводящие к борьбе классов, составляют область социологии» [Бехтерев, 1921: 31]. В качестве примеров: Бехтерев часто обращается к изменению поведения индивидов во время беспорядков, вызванных революцией, к деформациям форм социального взаимодействия во время голода, поскольку они наиболее ярко иллюстрируют то, что общество, встав на путь социального конфликта, пришло к социальной деградации, замедляющей социальный прогресс. В эти же годы Сорокин работал над книгой «Голод как фактор», неоднократно проверяя теоретические положения своих учителей (В.М. Бехтерева, М.М. Ковалевского, Л.И. Петражицкого) данными эмпирических наблюдений [Сорокин, 2014а: 258]. «Голод как фактор» должен был выйти в свет в издательстве «Колос» в 1922 г., но тираж был уничтожен, а вскоре и само издательство закрыто. В условиях становления новой государственности все активнее стали вводиться идеологические и цензурные ограничения, в том числе и на тематику научных исследований. Попала под ограничения на долгие годы и тема голода.

В годы революционных перемен умы ученых занимал не только поиск ответов на актуальные вопросы, которые ставила сама жизнь перед наукой и обществом, но и вопросы методологии. Свой подход Бехтерев называл «рефлексологией», которая определялась как система научных дисциплин, тесно связанная с другими областями науки – естествознанием, обществознанием и философией. В основу нового научного направления были заложены экспериментально проверенные данные учения о рефлексах и высшей нервной деятельности И.М. Сеченова и И.П. Павлова. В социологических воззрениях Бехтерева содержатся истоки естественно-научного подхода к изучению социальных явлений, их целостного, системного описания, получившего развитие в социологии первой половины XX в. Он настаивал на особом месте рефлексологии в корпусе социальных наук, отмечая, что рефлексология должна рассматриваться как особый отдел биологии, «вырывающийся» прямым образом и в социологию. В рецензии на работу В.М. Бехтерева «Общие основания рефлексологии» (1918) Сорокин отмечал, что «этот переход от «субъективной психологии» к «объективной рефлексологии» замечается и в социологии <...> знакомство с рефлексологией В.М. Бехтерева для социолога не только полезно, но необходимо» [Сорокин, 1919: 29–30]. Тем не менее, будучи отправной точкой исследований Сорокина, рефлексология не стала фундаментом его социологической концепции. Уже в указанной рецензии на книгу Бехтерева есть элементы критики, так как ему представлялось некорректным сведение сложных форм деятельности людей к неким упрощенным схемам, а также он отмечал несовершенство введенного Бехтеревым понятия «психической энергии». В дальнейшем отношение Сорокина к теории рефлексологии становится еще более критичным. В работе американского периода «Современные социологические теории» (1928) он не только ссылается на работу В.М. Бехтерева «Коллективная рефлексология» (1921), но и указывает на слабые стороны его теории, полагая, что объяснение сомнительных выводов ученого «кроется в аномальных условиях Русской революции, во время которой была написана его работа» [Сорокин, 2020: 42]. Однако не следует считать, что научные разногласия ученых были источником личного конфликта, как полагают некоторые исследователи [Сидорчук, 2016а: 164]. Бехтерев на всем протяжении их знакомства поддерживал и сотрудничал сначала с начинающим, а потом и с известным социологом П.А. Сорокиным, при этом научная полемика между ними – норма жизни выдающихся научных деятелей, а критика – одна из важных функций той науки, которую они оба поддерживали – социологии.

В эти годы Бехтерев и Сорокин впервые в России начали экспериментальные социально-психологические исследования коллективов. Они доказали важность межличностного общения и сотрудничества в деятельности любых типов коллективов от учебных до профессиональных. Их сотрудничество в очень сложное для науки время, продолжавшееся вплоть до эмиграции Сорокина, столь многогранно и насыщено, что требует отдельного исследования как с точки зрения историко-социологической реконструкции, так и с точки зрения сравнительного теоретико-методологического анализа научных работ двух всемирно известных российских ученых.

Заключение. Уже в конце XIX в. одним из первых, кто выдвинул и последовательно развивал комплексный подход к изучению человека, был В.М. Бехтерев. Полагая, что природа человека носит сложный биосоциальный характер, он приветствовал междисциплинарные взаимодействия, а также социологию как науку, обеспечивающую всесторонний подход к изучению личности. Институциональным вкладом В.М. Бехтерева в становление новой науки послужило введение курса социологии в учебный план возглавляемого им Психоневрологического института, а также открытие специальных посвященных ей разделов в научных журналах. Он активно сотрудничал со своими коллегами и единомышленниками М.М. Ковалевским, Е.В. Де Роберти и Н.И. Кареевым в вопросах развития новой научной дисциплины. Именно в рамках деятельности кафедры социологии Психоневрологического института началось тесное сотрудничество Бехтерева и Сорокина. Академик поддерживал многие начинания сначала ученика, потом – талантливого студента,

а затем самостоятельного исследователя. Несмотря на огромную разницу в социальном статусе, между ними с самого начала сложились дружеские, доверительные отношения, а споры носили творческий характер. В последние годы сотрудничества, которые были омрачены революционными потрясениями, Гражданской войной, голодом и эпидемиями, ученые пытались отстоять социологию как науку и академическую дисциплину, проводили эмпирические исследования, отвечая на запросы общества. Отдельного внимания в их научных работах потребовала тема влияния голода на поведение человека и общество в целом. Впоследствии, в условиях упрочения новой государственности и идеологии, многие направления исследований оказались «запрещенными», что наложило отпечаток на судьбы ученых. Сорокин оказался в эмиграции, но даже в Европе и Америке он не смог опубликовать при жизни свою книгу «Голод как фактор», а Бехтерев был вынужден «писать между строк» на интересующие его темы.

«Познать сердце человека в его первых порывах любви, чтобы эту любовь направить на всё человечество. Познать обездоленного, голодного, толкаемого судьбой на преступление, чтобы путём проповеди улучшения быта и перевоспитания предотвратить эти преступления...» – этот девиз В.М. Бехтерева пронес через жизнь его ученик, основоположник советской психотерапии К.И. Платонов, отмечая слова учителя о том, что «...девиз любви и уважения личности в человеке возрастит в юных сердцах любовь к знанию о человеке и воспитает в них те социальные чувства и те идеалы, которые будут вечно светить над человечеством и будут служить для них верными руководителями не только в светлые периоды подъема общественных сил, но и в мрачные эпохи народных испытаний и грозных мыслей» [Письмо..., 2017: 86]. Это послание В.М. Бехтерева, неоднократно им транслируемое в Психоневрологическом институте, нашло отклик и в сердце П.А. Сорокина – русского классика западной социологии, создателя теории созидательного альтруизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акименко М.А., Шершеневский А.М. История института им. В.М. Бехтерева: На документальных материалах. Ч. 1. М.: СПНИПНИ им. В.М. Бехтерева, 1999.
- Бехтерев В.М. Автобиография. М.: Библиотека «Огонек» № 316, 1928.
- Бехтерев В.М. Задачи Психоневрологического института. СПб., 1908.
- Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология. Пг.: Колос, 1921.
- Гайда В.Т., Ломоносова М.В. Петербургская страница биографии Михайля Семенко (по материалам архивных документов) // Наследие. 2017. № 2 (11). С. 111–127.
- Гервер А.В. Отчет о состоянии и деятельности Психоневрологического института за 1911. СПб., 1913.
- Гловов М.Б. Первые опыты институционализации русского социологического образования // Социология науки и технологий. 2014. Т. 5. № 2. С. 9–26.
- Де-Роберти Е.В. Задачи социологии // Вестник знания. 1908. № 7–8. С. 921–932.
- Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л.: ЛГУ, 1990.
- Ковалевский М.М. Сочинения в двух томах. Т. 1. Социология. СПб.: Алетей, 1997.
- Письмо Николая Михайловича Бехтерева в Елабужское бюро краеведения // Знаменитые земляки. Владимир Михайлович Бехтерев. Сб. ст. Елабуга, 2017. С. 80–87.
- Сидорчук И.В. В.М. Бехтерев и П.А. Сорокин: к истории возникновения конфликта // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016а. № 12–1 (74). С. 162–165.
- Сидорчук И.В. Социологические сюжеты в «Вестнике психологии, криминальной антропологии и гипнотизма» (1904–1919 гг.) // Социологический журнал. 2016b. Т. 22. № 4. С. 139–156.
- Сорокин П.А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. Сыктывкар: Анбур, 2014а.
- Сорокин П.А. Долгий путь. Автобиографический роман. Сыктывкар: СЖ Коми, МП «Шыпас», 1991.
- Сорокин П.А. Реф.: Annales de l'Institut international de Sociologie. Т. XIV: Le progres. Paris. 1913 // Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. 1913а. Т. 10. Вып. 4. С. 114–117.
- Сорокин П.А. Реф.: Гернет М.Н. Смертная казнь // Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. 1913b. Т. 10. Вып. 2. С. 74–75.
- Сорокин П.А. Рец.: Бехтерев В.М. Общие основания рефлексологии. Пг., 1918 // Социо-библиологический вестник. 1919. № 4–6. С. 29–30.

Сорокин П.А. Современные социологические теории (включая первую четверть XX столетия. Сыктывкар: Анбур, 2020.

Сорокин П.А. Состояние русской социологии за 1918–1922 гг. // О русской общественной мысли. СПб.: Алетейя, 2000. С. 23–29.

Статья поступила: 13.11.23. Принята к публикации: 11.03.24.

VLADIMIR BEKHTEREV AND PITIRIM SOROKIN – SCIENTIFIC ALLIANCE IN THE NAME OF SOCIOLOGY

LOMONOSOVA M.V.*, BULANOVA M.B.**

*St. Petersburg State University, Russia, **Russian State University for the Humanities, Russia

Marina V. LOMONOSOVA Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. of the Chair of Theory and History of Sociology, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia (lomonosovamv@mail.ru); Marina B. BULANOVA PhD in Sociology, Prof.; Head of the Department of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities; Moscow, Russia (marina_bulanova@inbox.ru).

Acknowledgement: This work is supported by the Russian Science Foundation (grant No. 22-28-01076).

Abstract. Based on the analysis of historical sources, the authors present the history of cooperation between two outstanding scientists of the early 20th century – Vladimir M. Bekhterev and Pitirim A. Sorokin – who had the common goal of establishing sociology as a new science in Russia. Courage and conviction of V.M. Bekhterev helped him open Russia's first department of sociology as part of the Psychoneurological Institute, where a young scientist, P.A. Sorokin, successfully took his first steps into science. Throughout this creative partnership, Vladimir M. Bekhterev not only made an institutional contribution but also shaped the direction of empirical research. He examined pressing social issues such as famine, war, epidemics and crime from a psychiatric and physiological perspective. Pitirim A. Sorokin, on the other hand, conducted comprehensive sociological analyses of these phenomena, which later became an integral part of his scientific legacy. Bekhterev and Sorokin shared a deep and trusting friendship, and their collaboration faced challenges during turbulent historical periods. However, they remained steadfast in their commitment to defend sociology as a science and an academic discipline. Their work also emphasized the impact of famine on human behavior and society. Bekhterev and Sorokin's research remained dedicated to human values, understanding the human condition, and social justice, continuing to inspire future generations of scholars and serving as a guiding light through various historical epochs.

Keywords: Vladimir Bekhterev, Pitirim Sorokin, Russian sociology, history of sociology, behaviorism, collective reflexology, Psychoneurological Institute, famine, memory policy.

REFERENCES

- Akimenko M.A., Shereshevskii A.M. (1999) *History of the Bekhterev Institute based on documentary materials*. Part 1. Moscow: SPNIPNI im. V.M. Bekhtereva. (In Russ.)
- Bekhterev V.M. (1908) *The goals of the Psycho-neurological Institute*. St. Petersburg. (In Russ.)
- Bekhterev V.M. (1921) *Collective reflexology*. Petrograd: Kolos. (In Russ.)
- Bekhterev V.M. (1928) *Autobiography*. Moscow: Ogonyok Library No. 316. (In Russ.)
- De Roberti E.V. (1908) The goals of sociology. *Vestnik znaniya* [Bulletin of knowledge]. No. 7–8: 921–932. (In Russ.)
- Gerver A.V. (1913) *Report on the state and activities of the Psychoneurological Institute for 1911*. St. Petersburg. (In Russ.)
- Glotov M.B. (2014) First experiments of institutionalizing Russian sociological education. *Sociologia nauki i tehnologii* [Sociology of Science and Technology]. Vol. 5. No. 2: 9–26. (In Russ.)
- Hayda V.T., Lomonosova M.V. (2017) Petersburg page of the biography of the poet Mikhail Semenko (on materials of archival documents). *Nasledie* [Heritage]. No. 2(11): 111–127. (In Russ.)
- Kareev N.I. (1990) *Lived and experienced*. Leningrad: LGU. (In Russ.)
- Kovalevsky M.M. (1997) *Works in two volumes*. Vol. 1. Sociology. St. Petersburg: Aletheya. (In Russ.)
- Letter from Nikolai Mikhailovich Bekhterev to the Yelabuga Bureau of Local History (2017). In: *Famous Countrymen. Vladimir Mikhailovich Bekhterev*. Articles. Elabuga: 80–87. (In Russ.)

- Sidorchuk I.V. (2016a) V.M. Bekhterev and P.A. Sorokin: on the history of the conflict origin. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]. No. 12–1 (74): 162–165. (In Russ.)
- Sidorchuk I.V. (2016b) Sociological stories in the Bulletin of psychology, criminal anthropology and hypnosis (1904–1919). *Sociologicheskij zhurnal* [Russian Sociological Journal] Vol. 22. No. 4: 139–156. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (1913a) Ref.: Annales de l'Institute international de Sociologie. T.XIV: Le progres. Paris. 1913. *Vestnik psikhologii, kriminal'noi antropologii i pedologii* [Bulletin of psychology, criminal anthropology and pedagogy]. Vol. 10. No. 4: 114–117. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (1913b) Ref.: Gernet M.N. Death penalty. *Vestnik psikhologii, kriminal'noi antropologii i pedologii* [Bulletin of psychology, criminal anthropology and pedagogy]. Vol.10 No. 2: 74–74. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (1919) Rev.: Bekhterev V.M. General principles of reflexology. *Socio-bibliologicheskij vestnik* [Socio-bibliological bulletin]. No. 4–6: 29–30. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (1991) *Long journey*. Syktyvkar: SJ Komi, MP "Shypas". (In Russ.)
- Sorokin P.A. (2000) The state of Russian sociology for 1918–1922. In: *About Russian social thought*. St. Petersburg: Aletheya: 23–29. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (2014a) *Hunger as a factor. The influence of hunger on human behavior, social organization and social life*. Syktyvkar: Anbur. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (2020) *Contemporary Sociological Theories* (through the first quarter of the XX century). Syktyvkar: Anbur. (In Russ.)

Received: 13.11.23. Accepted: 11.03.24.